

ПЧЕЛКА

П
Ч
Е
Л
К
А

ЖУРНАЛ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ
МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

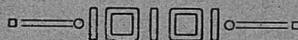
СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Огонь и репейникъ. Басенка.	613
Шарикъ. Продолженіе. Разказъ. Э. Вульфсонъ.	614
Счастливая семейка. Рисунокъ.	621
Какъ носорогъ получилъ свою кожу. Разказъ. Редьярда Киплига. Пер. Л. Б. Съ рисунками.	622
„ИЗЪ ЖИЗНИ ПРИРОДЫ“. Какъ Юра знакомится съ жизнью живот- ныхъ. Окончаніе.— 15. Какъ волчиха жила на свѣтѣ. А. Бостромъ. Съ ри- сункомъ.	628
Веселыя странички. Комическіе рисунки со стихами. Стрекоза и лягушо- нокъ. Кисъ-Кисъ.	642

Отъ конторы журнала „ПЧЕЛКА“.

При доплатахъ и всякаго рода заявленіяхъ, а также при увѣдомленіи о перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ прилагать печатный адресъ, безъ котораго справки и перемѣны затруднительны.

За перемѣну адреса уплачивается три 7-коп. марки.

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

№ 20-й.

15 октября 1906 г.

Огонь и репейникъ.

Басенка.

— казалъ репейникъ:— «Никого
Я въ свѣтѣ не боюсь!
Попробуй, тронь-ка кто! Въ того
Я тотчасъ же вцѣплюсь».

Играя струйками огня,
Вблизи костеръ горить.

— «А ну-ка вотъ вцѣпись въ меня»,—
Тихонько говоритъ.

— «Та рѣчь не про тебя, мой свѣтъ!»—
Хвастунъ ему въ отвѣтъ.

Ш а р и к ъ .

(Продолженіе).

IV.

Арина стояла за корытомъ и сильными руками отжимала свернутую жгутомъ простыню, когда дверь каморки какъ-то жалобно заскрипѣла, и на порогѣ появился Васятка. Она повернула голову и, увидавъ входящаго сына, швырнула въ сердцахъ грязную простыню, такъ что мыльная вода плеснула далеко за корыто.

— Да ты что же это, разбойникъ, дѣлаешь-то? Уморить меня вздумалъ?! — грозно начала она, но не вытерпѣла, сѣла на лавку и заплакала. — Шуточное ли дѣло, въ прорубь бросаться...

Съ первыхъ же словъ Васятка понялъ, что матери все извѣстно. Онъ стоялъ, не смѣя поднять глазъ, молча уставившись въ глиняный полъ убогой каморки.

Тутъ только онъ увидалъ, сколько страданій причинилъ бѣдной матери, а слезы ея такъ и схватили его за сердце. Ему хотѣлось какъ-нибудь оправдаться передъ ней, утѣшить ее, но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать.

— Не доѣдаешь, не досыпаешь всю жизнь, — причитала Арина, вытирая покраснѣвшіе глаза, — работаешь съ утра до ночи, не покладая рукъ, все думаешь, какъ бы сынка въ люди вывести, а онъ, вонъ, что выдумалъ...

— Ты, мамушка, на меня не сердись, — виновато заговорилъ Васятка, — ужъ очень мнѣ собачку-то жалко стало...

— Пса поганого пожалѣлъ, а матери, стало-быть, не жалко?.. — злобно всхлипнула Арина.

— Нѣтъ, мамушка, что ты! — горячо и увѣренно отвѣтилъ ей Васятка. — Мнѣ и тебя тоже жалко!.. Да только вѣдь ты тутъ, дома, въ теплѣ была, а собачку на льдинѣ несло, лапкамъ-то ка-акъ, небось, холодно было!.. И непременно бы ее занесло куда-нибудь, такъ бы и пропала совсѣмъ...

Арина промолчала. Она поднялась съ лавки, шумно высморкалась и, спрятавъ пестрый платокъ въ карманъ, схватила кочергу и начала звонко ворочать ею въ печкѣ. Наконецъ она достала небольшой котелокъ, съ шумомъ сбросила съ него крышку; та съ громомъ

покатилась по шестку, закружилась на одномъ мѣстѣ и разомъ остановилась. Арина взяла съ полки глиняную чашку, все такъ же молча наполнила ее вкусными дымящимися щами и поставила на столъ. Потомъ она отрѣзала большой ломоть ржаного хлѣба, густо посыпала его солью и ворчливо заговорила:

— Ну, жалѣльщикъ, садись ѣсть-то!.. Чай, проголодался, съ коихъ поръ не ѣвши...

Васятка не заставилъ себя долго упрашивать: ему давно уже страшно хотѣлось ѣсть. Онъ быстро швырнулъ на лавку шапку, которая все еще была у него въ рукахъ, и усѣлся за столъ, примостивъ собачку къ себѣ на колѣни. Громко причмокивая, онъ жадно принялся хлебать горячія душистыя щи, и никогда не казались онѣ ему такими вкусными, какъ сегодня.

— Пса-то бы спустилъ наземь, — ворчала Арина, усаживаясь рядомъ съ сыномъ и любовно поглядывая на дорогое лицо.

— Ничего, онъ мнѣ не мѣшаетъ, — тихо отвѣтилъ Васятка, поглаживая свободной рукой косматую шерсть собаки. Та радостно взвизгивала и уже не дрожала, какъ прежде.

— Чай, сильно проголодался? — допытывалась Арина.

На сердцѣ у нея совсѣмъ ужъ отлегло, и злобы больше не было и въ поминѣ.

— Проголодался...

— А вкусныя щи-то?

— Вку-у-сныя! За всѣ раза самыя вкусныя!..— съ чувствомъ отвѣтилъ Васятка.

— Ну-ну, хлебай, хлебай, сынокъ, еще подолью... Да ты чего ложку-то положилъ?

Васятка замялся.

— Да я, мамушка, собачкѣ бы... съ меня будетъ ужъ...

— Ишь ты, что вздумалъ! — добродушно засмѣялась Арина.— Пса въ компанію съ собой брать, харчами дѣлиться... половина, молъ, тебѣ, а половина мнѣ... Ышь, ѣшь, чего ужъ тутъ...

И тутъ она достала глиняную плошку, накрошила въ нее хлѣба, налила щей вровень съ краями и, поставивъ на полъ, стала ласково подзывать собаку. Но та какъ-то странно завозилась на одномъ мѣстѣ, потомъ робко поднялась на ноги и беспомощно тыкалась во всѣ стороны, точно боясь прыгнуть на полъ.

— Экая ты трусиха! — засмѣялся Васятка, лаская растерявшееся животное. — Ага, набралась страху? Ничего, ничего, не бойся, теперь мы съ тобой ладно заживемъ... А шерсть-то у тебя какая, ко-о-ричневая, прямо каштанъ... Гляди, мамушка, славенькій какой песикъ, кругленькій, какъ

шаръ... Ну-ну, Шарикъ, иди обѣдать... Небось, такихъ вкусныхъ щей и во снѣ не снилось...

И Васятка осторожно спустилъ собаку на полъ, но та не двигалась съ мѣста и продолжала жалобно визжать, растерянно тычась то туда, то сюда.

— Да что ты, Шарикъ, со мной водиться что ль не хочешь? — шутилъ мальчикъ. — Со мной хлѣбъ-соль дѣлать? Ъшь, песикъ...

Но Шарикъ ни съ мѣста.

— Чисто ослѣпла со страху! — нетерпѣливо сказала Арина и придвинула ногой плошку къ самой мордѣ собаки.

Шарикъ засопѣлъ сначала носомъ, втянулъ въ себя вкусный запахъ душистыхъ щей и потянулся, наконецъ, къ плошкѣ. Тутъ онъ прежде всего ударился носомъ о край, жалобно взвизгнулъ и только потомъ принялся жадно локать.

— Да никакъ она и впрямь слѣпая... — засуетилась Арина, все время наблюдавшая за собакой. — Что-то ужъ очень тычется во всѣ стороны...

И только когда Шарикъ съѣлъ все до крошки и досуха вылизалъ плошку, Арина убѣдилась, что несчастная собака, дѣйствительно, была слѣпа. Какъ ласково не подзывали его и она и Васятка, Шарикъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, растерянно

вилаляль хвостомъ и боялся пуститься по незнакомой каморкѣ.

— Эхъ ты, жалѣльщикъ, — ворчала Арина, — догадался спасать кого... Ее, можетъ, добрые люди нарочно на ледъ спустили, куда съ ней, со слѣпой, возиться-то?

Васятка стояль встревоженный и огорченный; это неожиданное открытіе страшно взволновало его. Теперь ему еще больше стало жаль собачку.

— И злые они значить, нехорошіе, эти люди, — со слезами на глазахъ сказалъ онъ, — если не пожалѣли ее, слѣпую. Небось, человѣка слѣпого на ледъ не спустятъ, а она тоже вѣдь живая, ей тоже больно, развѣ только что сказать вотъ не можетъ...

— Ну, тоже выдумаль, приравняль пса къ человѣку... Только вотъ теперь что мы съ ней дѣлать-то будемъ?

— Да ничего, жалѣть будемъ... Я ее теперь еще больше жалѣть буду! — горячо проговориль Васятка и взяль собачку на руки.

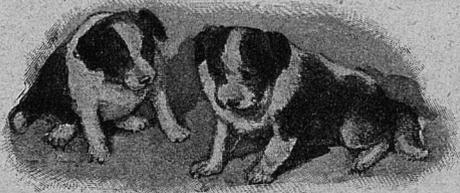
Та въ отвѣтъ на его ласковыя слова радостно завизжала, благодарно завиляла хвостомъ и нѣсколько разъ мотнула головой, точно говоря: „Такъ, такъ, милый мальчикъ, теперь меня еще больше пожалѣть нужно, а то я совсѣмъ пропаду съ голоду и съ холоду, а вѣдь мнѣ тоже хочется жить“...

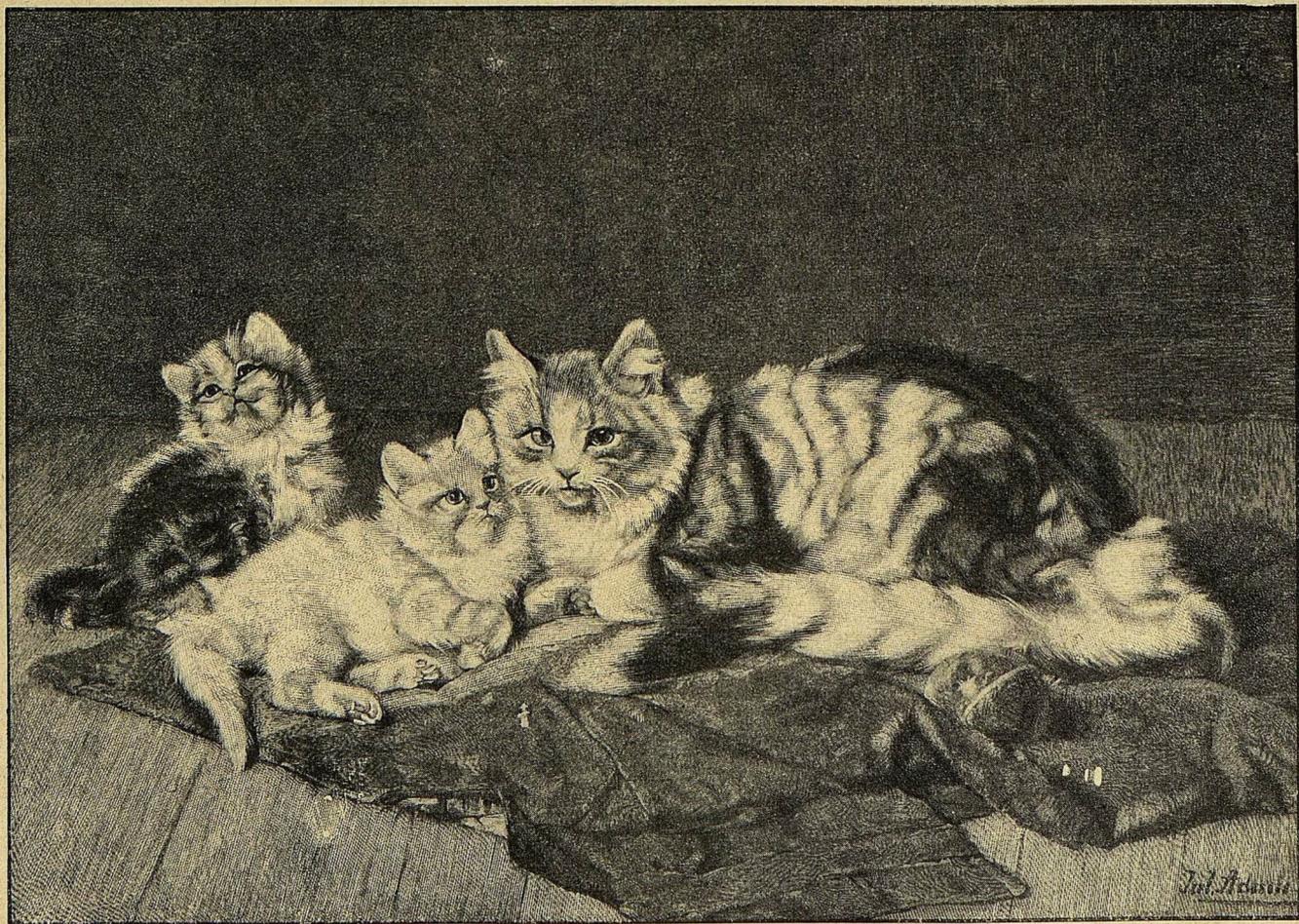
Скоро въ подвалѣ наступила тишина. Арина и Васятка улеглись спать. Лампадка въ углу тихо мерцала, освѣщая ликъ Спасителя, Который любовно смотрѣлъ на спящаго мальчика.

А за дверью, въ сѣняхъ, на рваномъ ватномъ одѣяльцѣ, свернувшись въ комочекъ, лежалъ Шарикъ. Онъ спалъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, ему было тепло и уютно на новой постелькѣ. Но изрѣдка онъ вдругъ вздрагивалъ и громко взвизгивалъ: ему снилась бурная рѣка, огромная холодная льдина, уносившая его невѣдомо куда, и страшно становилось Шарику и часто-часто билось его маленькое испуганное сердечко.

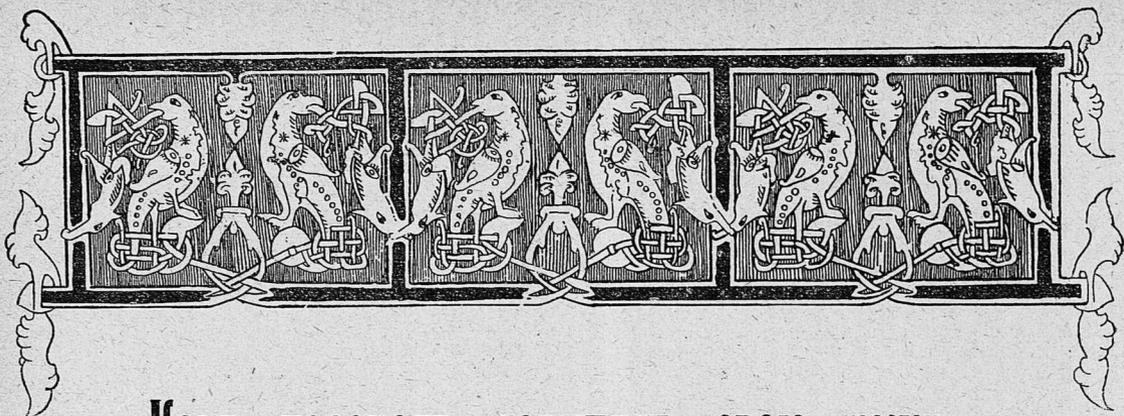
(Продолженіе слѣдуетъ).

Э. Вульфсонъ.

Счастливая семейка.

Какъ носорогъ получилъ свою кожу.

Редьярда Киплинга. (Переводъ съ англійскаго Л. Б.).

На необитаемомъ островѣ, у береговъ Краснаго моря, жилъ однажды парсъ¹⁾. Онъ носилъ шляпу, отъ которой солнечные лучи отражались съ чисто-сказочнымъ великолѣпиемъ. У этого-то парса, который жилъ около Краснаго моря, только и было имущества, что шляпа, ножъ да жаровня (такая жаровня, какихъ дѣтямъ обыкновенно не позволяютъ трогать). Однажды онъ взялъ муки, воды, коринки, сливъ, сахару и еще кое-какихъ припасовъ и состряпалъ себѣ пирогъ, имѣвшій два фута въ поперечникѣ и три фута толщины. Это былъ удивительный сказочный пирогъ! Парсъ поставилъ его на жаровню и пекъ до тѣхъ поръ, пока онъ не зарумянился и отъ него не пошелъ аппетитный запахъ. Но лишь только парсъ собрался ѣсть его, какъ вдругъ изъ необитаемыхъ дебрей вышелъ звѣрь съ

1) Парсы—это народъ, ведущій происхождение отъ древнихъ персовъ.

большимъ рогомъ на носу, съ подслѣповатыми глазками и неуклюжими движеніями. Въ тѣ времена у носорога кожа была совсѣмъ гладкая, безъ единой морщинки. Онъ, какъ двѣ капли воды, походилъ на носорога въ игрушечномъ Ноевомъ ковчегѣ, только, конечно, былъ гораздо больше. И тогда онъ не отличался ловкостью, не отличался ею и теперь и никогда не будетъ отличаться. Онъ сказалъ:

— У - у - у!

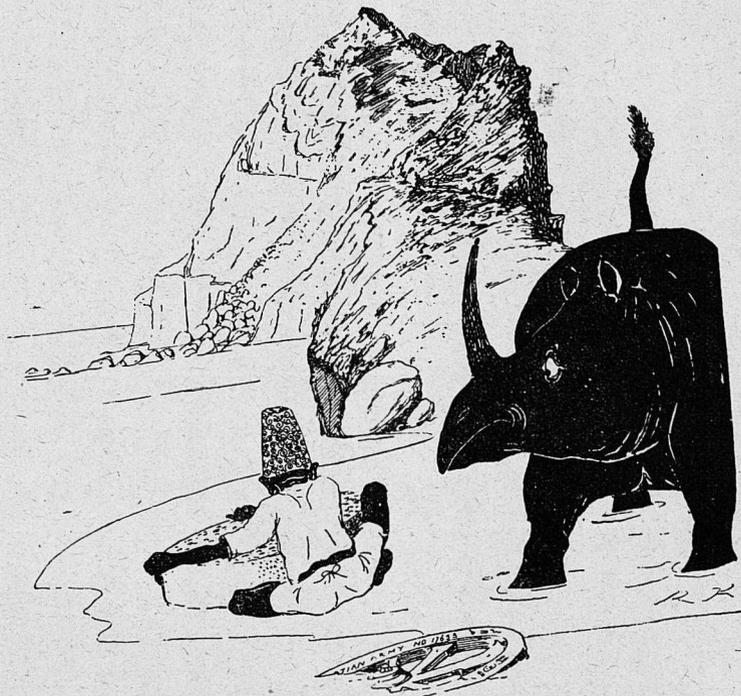
Парсъ испугался, бросилъ пирогъ и полѣзъ на верхушку пальмы со своей шляпой, отъ которой лучи солнца отражались съ чисто - сказочнымъ великолѣпіемъ. Носорогъ перевернулъ жаровню, и пирогъ покотился на землю. Онъ поднялъ его своимъ рогомъ, скушалъ и, помахивая хвостомъ, ушелъ въ свои дебри, примыкающія къ островамъ Мазендеранъ и Сокотора. Тогда парсъ слѣзъ съ пальмы, подобралъ жаровню и произнесъ двустишіе, котораго вы, конечно, никогда не слышали, а потому я вамъ его скажу:

Припомнить тотъ, кто взялъ пирогъ,
Который парсъ себѣ испекъ!

Въ этихъ словахъ заключалось гораздо больше смысла, чѣмъ вы можете думать.

Черезъ пять недѣль у береговъ Краснаго моря началась страшная жара. Люди снимали одежду,

какая у нихъ была. Парсъ снялъ свою шляпу, а носорогъ снялъ свою кожу и понесъ ее на плечѣ, отправляясь купаться въ морѣ. Въ тѣ времена она у него застегивалась внизу на три пуговицы, какъ дождевой

Это—изображеніе парса, который собирается ѣсть свой пирогъ на необитаемомъ островѣ въ Красномъ морѣ, а изъ гористыхъ дебрей къ нему приближается носорогъ. Кожа носорога совершенно гладкая; внизу она застегнута на три пуговицы, какъ вы сами можете видѣть. Кругленькія штучки на шляпѣ парса—это лучи солнца, которые отражаются съ чисто-сказочнымъ великолѣпіемъ. Если бъ я нарисовалъ настоящіе лучи, то они наполнили бы всю страницу. Въ пирогѣ видны коринки. Колесо, лежащее на землѣ, отвалилось отъ одной изъ колесницъ фараона, который пытался переправиться черезъ Красное, или Черное море. Парсъ нашелъ его и сохранилъ его ради забавы. Парса звали Пестонджи Боманджи, а носорога звали Строрксъ. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я не сталъ бы спрашивать, гдѣ жаровня.

плащъ. Проходя мимо парса, онъ даже не вспомнилъ о пирогѣ, который у него стащилъ и съѣлъ. Онъ оставилъ кожу на берегу, а самъ бросился въ воду, носомъ выдувая пузыри.

Парсъ увидѣлъ, что кожа лежитъ на берегу, и засмѣялся отъ радости. Онъ три раза проплясалъ вокругъ нея, потирая руки. Затѣмъ онъ вернулся на свой бивуакъ и наполнилъ шляпу до краевъ крошками пирога, — парсы ѣдятъ только пироги и никогда не подметають своего жилья. Онъ взялъ кожу носорога, хорошенько встряхнулъ ее и насыпалъ въ нее, сколько могъ, сухихъ колючихъ крошекъ и пережженныхъ коринокъ. Затѣмъ онъ взобрался на вершину пальмы и принялся ждать, когда носорогъ выльзетъ изъ воды и станетъ надѣвать кожу.

Носорогъ выльзъ, напялилъ кожу и застегнулъ ее на всѣ три пуговицы, но крошки страшно щекотали его. Онъ попробовалъ почесаться — вышло еще хуже. Тогда онъ сталъ кататься по землѣ, а крошки щекотали все больше и больше. Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ пальмѣ и принялся тереться объ ея стволъ. Терся онъ до тѣхъ поръ, пока кожа не сдвинулась крупными складками на его плечахъ, ногахъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ были пуговицы, которыя отъ тренія поотскакивали. Онъ страшно злился, но крошекъ удалить

Здѣсь парсь Пестонджи Бомонджи сидитъ на вершинѣ пальмы и смотритъ, какъ носорогъ Сторксъ, снявъ кожу, купается на берегу необитаемаго острова. Парсь насыпалъ крошекъ въ кожу и улыбается при одной мысли, какъ эти крошки будутъ щекотать Сторкса, когда онъ снова ее надѣнетъ. Кожа лежитъ въ холодкѣ около утеса подъ пальмой. У парса новенькая блестящая шляпа, какія носятъ его соплеменники. Въ рукахъ у него ножъ, чтобы вырѣзать свое имя на стволахъ пальмъ. Черныя пятна на островкахъ—это обломки судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ Красномъ морѣ. Однако пассажиры всѣ были спасены и благополучно вернулись домой.

Впрочемъ, пятно въ водѣ около берега вовсе не обломокъ корабля, а носорогъ Сторксъ, купающійся безъ кожи. Подъ кожей онъ оказался такимъ же чернымъ, какъ и сверху.

На вашемъ мѣстѣ я все-таки не сталъ бы спрашивать, гдѣ жаровня.

никакъ не могъ, потому что онѣ находились подъ кожей и не могли не щекотать его. Онѣ ушелъ въ свои дебри, не переставая чесываться. Съ того дня у каждаго носорога бываютъ складки на кожѣ и дурной характеръ, а все изъ-за того, что у нихъ остались подъ кожей крошки.

Что касается парса, то онѣ слѣзъ со своей пальмы, надѣлъ шляпу, отъ которой лучи солнца отражались съ чисто - сказочнымъ великолѣпиемъ, взялъ подъ мышку свою жаровню и пошелъ куда глаза глядятъ.

Изъ жизни природы.

Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ.

(Окончаніе).

15. Какъ волчица на свѣтѣ жила.

Жила въ лѣсу молодая волчиха. Она была большая и сильная; ей было уже два года. Шерсть на ней была густая, сѣро-желтаго цвѣта съ черными волосиками, глаза немного раскосые, умные; уши торчали кверху, будто всегда прислушивались, хвостъ она держала внизъ, и былъ онъ пушистый и толстый. Особенно сильны были у волчихи ноги. Волку нужны крѣпкія ноги и чтобъ добычу догнать и чтобъ отъ охотника уйти. Не даромъ и пословица говорить: „Волка ноги кормятъ“. Если бы не сильныя ноги, плохо бы волчихѣ жилось на свѣтѣ. И еще у волчихи были острые

и крѣпкіе зубы, и полагалась она на нихъ не меньше чѣмъ на быстрыя ноги. Страшные зубы волчихи могли вырвать сразу цѣлое вымя у коровы. Они могли перекусить самую крѣпкую кость.

Тотъ лѣсъ, въ которомъ жила волчиха, былъ смѣшанный, то-есть въ немъ росли сосны, а между сосенъ попадались осины, березы, дубы и разные кусты орѣшина, черемуха, рябина. Въ такомъ лѣсу звѣрю хорошо прятаться; но бѣда была въ томъ, что лѣсъ былъ невеликъ, а за лѣсомъ во всѣ стороны лежали степь и поля. По окраинѣ лѣса проходила дорога, и звуки людскихъ голосовъ часто пугали волчиху.

Лѣтомъ волчиха жила одна. Днемъ она спала гдѣ-нибудь подъ кустомъ или въ оврагѣ или въ какой-нибудь ямѣ, гдѣ ее не было замѣтно, а ночью выходила на добычу. Лѣтомъ добычи было много: зайчихи повывели зайчатъ, разная лѣсная и болотная птица вывела птенцовъ. Волчиха ни чѣмъ не брезговала, все ѣла, что ни попадетсѣ: зайца, птенчика, мышонка, лягушонка, все подай на волчьи острые зубы.

Но волчиха знала, что лѣтомъ, во время жаровъ всякая рана очень опасна. На ранку сядетъ муха, положитъ свои яички и заведутся черви, которые, ворочаясь, доставляютъ большую неприятность. Или муха на лапкахъ принесетъ ядъ, который заразитъ кровь, и

волчиха должна тогда умереть. Вотъ почему она сдѣлалась очень осторожна, пряталась въ лѣсу, оврагахъ или бурьянахъ и на глаза людямъ не показывалась. Она сдѣлалась даже трусихой — чуть услышитъ шумъ, наостритъ уши и убѣгаетъ.

Однажды, подь вечеръ, она вышла изъ своего оврага. Она давно уже не пила и ей захотѣлось пойти къ рѣчкѣ напиться. День былъ жаркій и душный, и волчиха шла съ разинутымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ, съ котораго капала слюна, какъ будто бы она пробѣжала незнай сколько верстъ. Волки, какъ и собаки, во время бѣга высовываютъ языкъ. Но теперь волчиха высунула языкъ оттого, что ей было очень жарко.

Она пробиралась между кустарникомъ, стараясь ступать такъ, чтобы ея шаговъ не было слышно. Собаки и волки не могутъ по-кошачьи втягивать внутрь свои когти и дѣлать бархатную лапку, и потому походка волка не можетъ быть такой легкой, какъ у кошки. Но волчиха была такъ осторожна и такъ ловко обходила каждую вѣточку, которая могла хрустнуть у нея подь ногами, что ея шаговъ почти не было слышно.

Такъ дошла волчиха до полянки среди лѣса и остановилась у опушки. Вотъ она высунула голову изъ-за кустовъ и осмотрѣлась, нѣтъ ли чего на по-

лянкѣ подозрительнаго. Вдругъ она вся насторожилась. На полянкѣ было не по-обыкновенному.

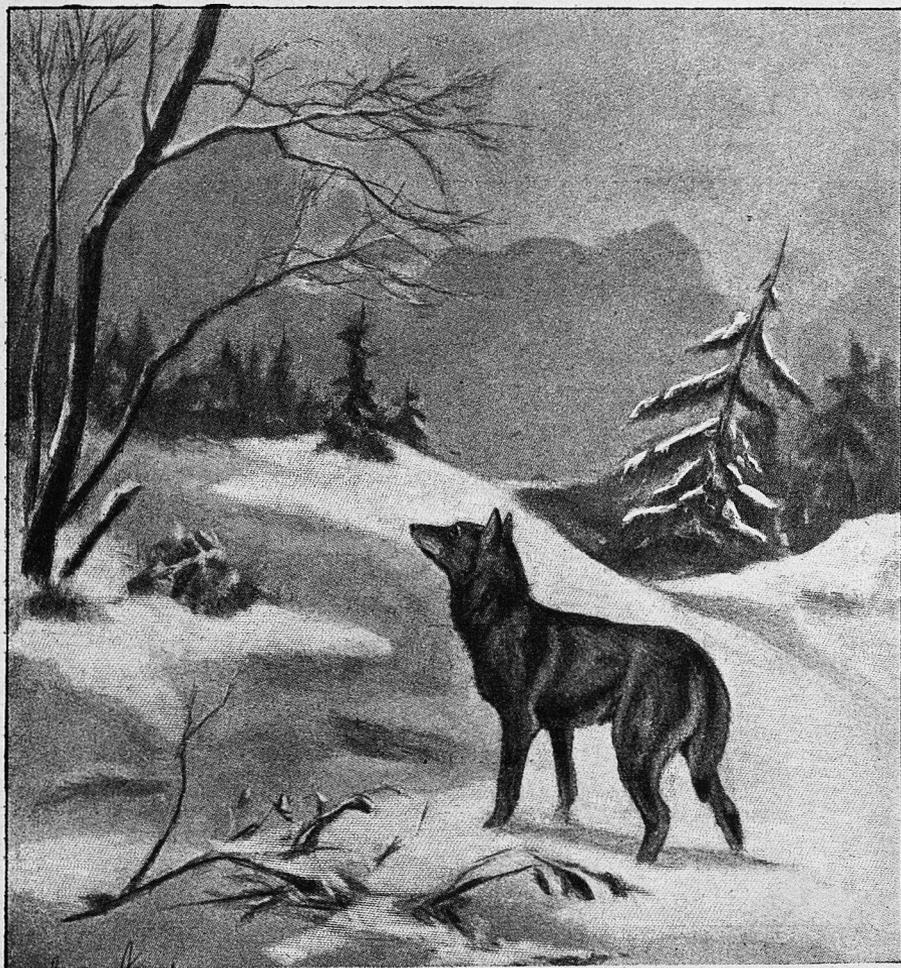
На этой полянкѣ росла клубника. И вотъ, въ этомъ клубничникѣ, среди травы, виднѣлась корзина, полная ягодъ, а возлѣ лежало что-то, завернутое въ тряпки. Волчиха съ беспокойствомъ потянула въ себя воздухъ. У нея было острое обоняніе, и она ощутила знакомый ей уже духъ, который она слышала возлѣ деревни. Пахло человѣкомъ. Этотъ духъ раздражалъ волчиху. Она сама не знала, пріятенъ онъ ей или нѣтъ, но онъ пугалъ ее. Духъ человѣка пугаетъ волка, даже когда онъ съ человѣкомъ еще не встрѣчался. Волкъ — врагъ человѣка, но вѣдь и человѣкъ — злѣйшій врагъ волка.

И волчиха это чуяла. Она спокойно подняла голову. Ей хотѣлось завывать, но осторожность остановила ее. Если она завоетъ, ее могутъ замѣтить. Она хотѣла уйти, но любопытство не пускало ее. Ей хотѣлось узнать, что въ маленькомъ сверточкѣ, который пахнетъ человѣческимъ духомъ.

Волчиха подкралась поближе. На полянкѣ никого не было, но трава была помята, и было много слѣдовъ, которые тоже пахли человѣкомъ. Волчиха стала нюхать слѣды, они были совсѣмъ свѣжіе. Она подошла совсѣмъ близко къ сверточку. Это было что-

то живое, что дышало и шевелилось. Волчиха подумала, ужъ не схватить ли его и съѣсть, вѣдь оно было такое маленькое, не больше зайца и, навѣрное, не сильнѣе, какъ вдругъ съ опушки полянки раздался крикъ. Волчиха подняла голову. Прямо на нее бѣжалъ мальчикъ лѣтъ семи съ поднятой палкой и страшно кричалъ. Волчиха посмотрѣла на него, на поднятую палку и прыгнула въ кусты. Она испугалась маленькаго мальчика, который бѣжалъ спасать своего спящаго братишку. О, если бы это было зимой, когда добыча попадаетъ рѣдко и когда волчиха бывала такъ страшно голодна, храбрый мальчишка не отдѣлался бы такъ легко. Конечно, и онъ и его братишка очутились бы на волчьихъ зубахъ, но теперь, лѣтомъ, сытая волчиха не стала спорить съ крикливымъ мальчикомъ, вѣдь на его крикъ могли сойтись люди, и ушла во-свояси.

Прошло жаркое, сытое лѣто. Лѣсъ обнажился, опустѣли поля. Пастухи уже не гоняли стада на пастбища, и волчихѣ нельзя было поживиться ни ягненкомъ ни теленкомъ. Молодые зайчата повзросли, стали быстры на ноги и осторожны. Птенцы стали взрослыми птицами и улетѣли въ теплые края. Полевые мышки натаскали зеренъ въ свои норки - домики и попрятались въ нихъ на зиму. Жабы и лягушки за-

лѣзли подь камни или въ тину на зимовку. Пусто и голодно въ лѣсу и поляхъ, трудно волчихъ добывать пищу. Стала она тощать, и брюхо ей стало частенько подводить съ голоду, и начала она похаживать къ

деревнямъ и селамъ, высматривать, не попадется ли какой добычи на голодные зубы.

Иногда ей случалось по запаху набѣжать на какую-нибудь падаль, т.-е. на околѣвшую лошадь, собаку или другое животное. Это былъ волчихъ праздникъ. Она прибѣгала на падаль, отгоняла отъ нея собакъ и наѣдалась такъ, что едва могла итти. Послѣ этого она могла дня три ничего ни ѣсть. Но такіе пиры случались не часто.

Выпалъ снѣгъ, наступили морозы. Волчиха лязгала зубами отъ голода. Она давно уже ничего не ѣла. Каждую ночь она прибѣгала къ деревнѣ и вертѣлась вокругъ, но все не рѣшалась подойти поближе. Собаки лаяли, зачюявъ ея приближеніе. Но, наконецъ, она рѣшилась.

Ночь была темная. Дулъ небольшой вѣтерокъ. Волчиха пошла противъ вѣтра, чтобы собаки не могли ея учуять. Она ступала осторожно и подошла вплотъ къ гумнамъ. Все было тихо, деревня спала. Собаки ея не чуяли.

Волчиха прокралась къ закуткѣ, откуда шелъ овечій запахъ и доносилось нѣжное блеяніе ягнятъ. Въ этой закуткѣ были объягнившіяся овцы съ ягнятами. Стѣны закутки были сложены изъ толстыхъ бревенъ, сломать ихъ было нельзя, а подкапываться подъ низъ

долго. Волчиха вскочила на соломенную крышу и начала лапами разрывать солому. На нее сразу пахнуло тепломъ и овечьимъ запахомъ. Она забыла осторожность, прыгнула въ заутку прямо на большую овцу, загрызла ее и съ жадностью стала выѣдать у нея внутренности.

Вдругъ послышался снаружи какой-то шорохъ. Волчиха насторожилась. Слышались голоса. Залаяла собака. Очевидно, кто-то услыхалъ шумъ въ зауткѣ. Надо было бѣжать, спасти свою шкуру. Но волчиха еще не утолила голодь. Ей хотѣлось унести съ собой овцу. Но овца была тяжела. Волчиха бросилась на ягненка и старалась, неся его въ зубахъ, выскочить въ отверстіе на крышѣ. Крыша была высока. Легко было соскочить внизъ, но выскочить было не такъ-то просто.

А снаружи все ближе и ближе раздавался собачій лай, ходили, говорили люди. Вотъ отпирають засовъ у двери заутки. Волчиха бросила загрызеннаго ягненка, сдѣлала отчаянный прыжокъ кверху, выбралась на крышу, соскочила съ крыши и поскакала прочь отъ села. Ей вслѣдъ неслись крики: „Волкъ, волкъ, держи его! Стрѣляй!“ Раздался выстрѣлъ, и нѣсколько крупныхъ дробиныхъ просвистѣли мимо нея. Волчиха скакала быстро, но долго еще сзади слышались ей крики и собачій лай.

Но вотъ уже близко и лѣсъ. Снѣгъ блестяль ярко подь блѣдными лунными лучами. Волчиха перевела духъ, погони не было слышно. Она сѣла на снѣгъ и завыла. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ теплой крови и мяса она еще сильнѣе почувствовала, какъ была голодна. Она выла сначала потихоньку, потомъ все громче и громче. Глядь, а изъ лѣсу, изъ овраговъ, изъ бурьяновъ идутъ голодные, худые, печальные волки. Собрались вокругъ волчихи, сѣли въ кружокъ и начали пѣть свою волчиную пѣсню. Дикая эта пѣсня, печальная и страшная. Услышитъ ее путникъ, одиноко возвращающійся домой, и вздрогнетъ отъ страха и ударитъ лошадь, спѣша поскорѣе добраться до дома. А лошадь отъ испуга шарахнется въ сторону, приложитъ уши и поскачетъ быстро, быстро. Страшенъ волчій ночной вой въ пустынной, снѣжной степи.

Понравились нашей волчихѣ ея товарищи - волки, и начали всѣ съ этой поры бѣгать стаей. Сдѣлались волки храбры и дерзки и нападали на всякое встрѣчное животное, даже на человекъ. А наша волчиха вмѣсто предводителя всегда впереди бѣжала.

Однажды сидѣла вся стая волковъ неподалеку отъ дороги. Ночь была лунная. Вдругъ волчиха насторожила уши: ей послышался поросячій визгъ. Всѣ волки стали слушать. Да, визжалъ поросенокъ, но непо-

нятно было гдѣ. Наконецъ волки увидали вдали тройку лошадей, запряженную въ сани, а сзади, привязанное на веревкѣ, что-то волочилось по снѣгу. И по временамъ раздавался поросячій визгъ. Волки подумали, что за санями волочится привязанный поросенокъ, и бросились догонять тройку. Одинъ старый, опытный волкъ насторожилъ было уши, почувявъ что-то неладное, но молодая, голодная волчиха не захотѣла его слушать и поскакала. За ней—вся стая.

Они быстро догоняли тройку. Вотъ они уже совсѣмъ близко. Видно, что въ саняхъ сидятъ люди и смотрятъ на волковъ. И видятъ волки, что на веревкѣ тащится не поросенокъ, а клокъ сѣна.

Сразу остановились волки, увидавъ обманъ. Стали и кони. Блеснули на лунномъ свѣтѣ стволы ружей, и раздался выстрѣлъ. Старый матерой волкъ перекувыркнулся, будто шая, и растянулся мертвый. Еще выстрѣлъ. Упалъ другой волкъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ. Онѣ поскакали. Волки минуту стояли въ изумленіи, потомъ яростно кинулись въ погоню.

Бѣшено скачутъ кони, бѣшено мчится стая волковъ. Вотъ они совсѣмъ близко, вотъ нагоняютъ. Опять выстрѣлъ. Раненъ еще волкъ. Онъ хромаетъ и отсталъ. Остальные мчатся. Видно, охотникамъ уже не

до шутокъ. Волки настигаютъ ихъ. Вотъ, вотъ, догонять, растерзаютъ...

Охотники бросаютъ имъ поросенка. Вмигъ волки разрываютъ его на части и опять скачутъ за лошадами. Но все же они немного отстали, а село уже недалеко. Охотники спасены. Еще немного—и они будутъ дома. А волки опять уже ихъ нагоняютъ близко, близко. Изъ всѣхъ силъ скачутъ бѣдные лошади, онѣ всѣ въ мылѣ. Ключьями падаетъ съ нихъ пѣна. И волки умаялись, изъ рта торчатъ у нихъ толстые языки, какъ деревянные лопатки, глаза свѣтятся... Страшны освирѣпѣвшіе волки... Но доскакали охотники до села, и волки отстаютъ...

Медленно, усталые, идутъ они назадъ, находятъ своихъ мертвыхъ товарищей и безъ церемоніи съѣдаютъ ихъ...

Къ веснѣ волчиха почувствовала, что у нея скоро будутъ дѣтки. Она нашла въ оврагѣ старую лисью нору, выкопала ее поглубже, устлала ее мохомъ, чтобы было потеплѣе.

Родилось четверо волчатъ. Они были похожи на щенятъ, маленькіе, слѣпые, беспомощные. Они дрожали отъ холода и жалобно пищали. Волчиха вылизала ихъ, дала имъ свои соски, стала ихъ согрѣвать своимъ тѣломъ. Она легла возлѣ нихъ и чутко при-

слушивалась, не идетъ ли какой-нибудь врагъ. Теперь она боялась не за себя, а за своихъ дѣтей. Она берегла не себя, а ихъ маленькихъ, беспомощныхъ. Злая ко всѣмъ, волчиха нѣжно любила своихъ дѣтей.

Нѣсколько дней волчиха почти не выходила изъ логовища, отошала и ослабла. Отъ голода ей подвело брюхо. Она сидѣла въ логовѣ и лязгала зубами. Ей хотѣлось ѣсть, но она боялась уйти отъ дѣтей.

Наконецъ стало невмочь. Она зарыла волчатъ въ мохъ, чтобы имъ было теплѣе, и пошла къ деревнѣ. Она шаталась отъ слабости и голода. Жадно расширяла она ноздри и втягивала въ себя воздухъ, чтобы узнать, не пахнетъ ли чѣмъ-нибудь съѣстнымъ. Ахъ, какъ ей хотѣлось ѣсть. Но она не пошла въ ближнюю деревню. Она боялась, какъ бы по ея слѣдамъ не отыскали ея логово, не убили бы ея дѣтей. Далекѣе обѣжала она деревню и пошла въ дальнее село. Ночь была темна. Накрапывалъ дождь, и волчиха плохо чуюла запахи. Она боялась попасться и боялась за дѣтей. Ей хотѣлось вернуться, но еще сильнѣе хотѣлось ѣсть. И вдругъ, о счастье, она почуяла запахъ падали. Въ нѣсколько прыжковъ очутилась она на падали, рвала ее и глотала большими кусками. Потомъ, когда насытилась, захватила большой кусъ и

унесла въ логово про запасъ, чтобы подольше не отходить отъ дѣтей.

Когда волчата подросли, и имъ нехватало уже ея молока, она приносила мяса, жевала его и давала имъ этой жвачки. Весной, когда все снова ожило, волчиха приносила дѣтямъ лягушатъ, мышей, зайчатъ. Волчата играли ими и учились ловить добычу.

Когда волчата подросли настолько, что могли сами добывать себѣ пищу, мать отвела ихъ къ старымъ волкамъ, будто желая сказать: „Здравствуйте, товарищи, вотъ я привела вамъ моихъ дѣтокъ, они еще глупы и неопытны. Не обижайте ихъ и учите уму-разуму“. И старые волки приняли молодыхъ въ свое общество, а волчиха опять на время стала жить одна.

Долго жила наша волчиха. Она была очень осторожна и не попадалась въ ловушки, которыя разставляли люди, и куда попадались большею частью молодые, неопытные волки. Но, наконецъ, и она попала.

Жителямъ сосѣднихъ деревень надоѣли волки. Ихъ расплодилось много, они стали дерзки и таскали овецъ, гусей и куръ безъ счета. Собрались мужики и порѣшили устроить на волковъ облаву. Между ними было нѣсколько охотниковъ съ ружьями. Выбрали

распорядителя и порѣшили слушаться его. Распорядитель разставилъ охотниковъ съ ружьями и собаками на мѣста, куда должны были погнать звѣря, а все мужики и бабы окружили лѣсъ и по знаку, данному распорядителемъ, пошли лѣсомъ съ шумомъ, крикомъ и стукомъ. Былъ такой уговоръ: зайцевъ не трогать, а бить и травить только волковъ.

Отъ людского крика и шума заметались звѣри въ лѣсу. Наша волчиха въ ту пору сидѣла въ своемъ логовѣ, по обыкновенію не очень сытая, и думала, гдѣ бы ей зайчонкомъ раздобыться. Вдругъ слышитъ шумъ, крики, трещать по лѣсу вѣтки. Шумъ такой идетъ, какого волчиха никогда и не слыхала. Екнуло у нея сердце. Вскочила она на ноги, во все стороны озирается, куда бѣжать, не знаетъ. Кажется ей съ испугу, что со всехъ сторонъ кричатъ.

Навострила она уши, стала слушать. Поняла, съ которой стороны кричатъ, а гдѣ криковъ не слышно, и пошла она крупными шагами. А крики все ближе и ближе. Выскочила волчиха на опушку лѣса и—прямо на охотника. Выстрѣлилъ онъ, и волчиха упала мертвая.

Много въ тотъ день охотники выгнали и убили волковъ. Потихе стало въ деревняхъ, мужики свободнѣе вздохнули. Перестали волки овецъ и гусей таскать.

А. Бостромъ.

Веселыя странички.

Стрекоза и лягушонокъ.

1.

Лягушонку ѣсть охота,
Сѣлъ на кочку средь болота.

2.

Видитъ, вѣтся стрекоза,
Попрыгунья-егоза.

3.

Въ умиленьи онъ гля-
дитъ:
Прямо въ ротъ къ
нему летитъ.

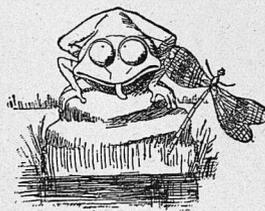
4.

„Ты устала, мой дру-
жокъ:
Сядь со мною на лу-
жокъ.

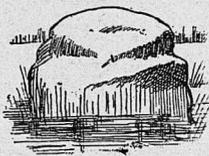
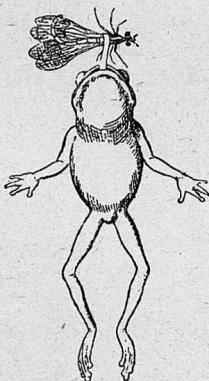
5.

Посмотри-ка, стрекоза,
Какъ добры мои глаза;

6.

Какъ я нѣжно улы-
баюсь,—
О, повѣрь,—я не ку-
саюсь!“

7.

Лаской этой смущена,
На призывъ летитъ она.
Лягушонокъ подскочилъ
И бѣдняжку проглотилъ.

Кись-Кись.

Н. В. ТУЛУПОВЪ И П. М. ШЕСТАКОВЪ.

Новая школа. Часть I.

Первая послѣ букваря книга

для обученія родному языку въ школѣ и дома. Съ приложеніемъ указателя книгъ для самостоятельнаго чтенія.

Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: *Айвазовскаго, Богданова-Бѣльскаго, Маковскаго, Рѣпина, Шишкина, Ярошенко* и др. Изданіе 5-е, Москва, 1906 года, стр. 112, ц. 25 к.

Новая школа. Часть II.

Вторая послѣ букваря книга

для обученія родному языку въ школѣ и дома. Съ приложеніемъ указателя книгъ для самостоятельнаго чтенія.

Со многими рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: *Айвазовскаго, Богданова-Бѣльскаго, Касаткина, Маковскаго, Савицкаго, Рѣпина, Шишкина, Ярошенко* и др. Изд. 2-е. Москва, 1906 г., цѣна 50 к.

Готовится къ печати третья часть **НОВОЙ ШКОЛЫ** (третьей годъ обученія).

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. СЫТИНА: въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ.

Н. В. Тулуповъ.

НАГЛЯДНЫЙ БУКВАРЬ для обученія русской и церковно-славянской грамотѣ и первоначальн. счисленію. Съ 137 рис. 94 стр. Изд. 10. Ц. 15 к., въ папкѣ 20 к.

Мин. Нар. Пр. допущенъ къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежд. Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ руководства для начальнаго обученія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

Обученіе родному языку послѣ прохожденія „Нагляднаго букваря“ ведется по книгѣ *Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова: Новая школа. Часть I.*

Двухнедельный иллюстрированный журнал
для дѣтей СТАРШАГО (12—15 л.) возраста

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

М. Н. Пр. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной
подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заве-
деній и городскихъ (по Пол. 1872 г.) училищъ.

Вышелъ № 20-й.

СОДЕРЖАНІЕ:

Тоска за грядущее. Стихотвореніе **Н. Никанорова-Наринскаго**. — Дитя природы. Окончаніе. Разсказъ **Е. Сквороды**. — Юность. Рисунки. — Московскій бояринъ XVII в. въ домашнемъ быту. Продолженіе. Очеркъ **И. Катаева**. Съ рисунками. — На окраинахъ Россіи. По Закаспійскому краю. Продолженіе. Очерки **С. Д. Протопопова**. Съ рисунками. — Маякъ на краю свѣта. Окончаніе. Повѣсть **Жюля Верна**. Переводъ **В. Готвальда**. Съ рисунками. — Маленькіе дикари или повѣсть о томъ, какъ два мальчика вели въ лѣсу жизнь индѣйцевъ и чему они научились. Продолженіе. **Эрнеста Томпсона Сетона**. Переводъ **Л. Б. Хавкиной**. Съ рисунками. — Въ дѣтскихъ клубахъ **Л. М-скаго**. — Объясненія.

При № 20-мъ „Друга Дѣтей“ подписчикамъ рассылаются слѣдующія безплатныя преміи:
1) Юный физикъ. Простѣйшіе физическіе опыты при помощи самодѣльныхъ приборовъ. Перераб.
съ нѣмецкаго **В. А. Поповъ**. 2) Больная. Снимокъ съ картины художника **В. Д. Полѣнова**.

Подписка на 1906 г. продолжается: 5 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

24 книжки журнала, каждая въ объемъ отъ 4—6 печатн. листовъ со множествомъ рисунковъ.
12 портретовъ „Дѣятели родины“.
12 картинъ-снимковъ съ произведеній знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ интересныхъ и полезныхъ въ семьѣ и школѣ.
12 премій-подарковъ:

Стѣнной отрывной календарь на 1906 г. съ разсказами, стих., шарадами, загадками, шутками, забавами и полезными свѣдѣніями на каждый день. **Записная книжка** съ новыми справочными свѣдѣніями (по исторіи, математ. и т. д.), необходимыми для учащихся. **Домашній театръ**, руководство къ постановкѣ домашнихъ спектаклей, устройство декораций, сцены и т. д. **Юный декламаторъ**, сборникъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ и утрахъ. **Юный физикъ**, простѣйшіе опыты. **Юный геологъ**, руководство для геологическихъ экскурсій. **Фотографъ-любитель**, руководство къ занятіямъ фотографіей. **Спутникъ самообразованія**, бесѣды о выборѣ и чтеніи книгъ. **Спутникъ читателя**, словарь наиболѣе употребительныхъ иностранныхъ словъ. **Другъ животныхъ**, какъ ухаживать и воспитывать домашнихъ животныхъ и птицъ. **Между дѣломъ**, сборникъ новыхъ забавъ, развлеченій, фокусовъ и т. д. **Панорама тропическаго лѣса**, для раскрашиванія, вырѣзыванія, склеиванія и разстановки.

Издатель **И. Э. Сытинъ**.

Редакторъ **Ж. В. Тулузовъ**.

Открыта подписка на 1906 г.
— НА НОВЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ —
ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО (6—9 лѣтъ) ВОЗРАСТА

ПЧЕЛКА.

Журналъ ставитъ задачей заронить въ юныя сердца своихъ читателей сѣмена гуманности, добра и правды и помочь дѣтямъ младшаго возраста постепенно ознакомиться съ окружающими ихъ явлениями. Для осуществленія этой задачи журналъ будетъ пользоваться и произведениями современныхъ дѣтскихъ писателей и систематическимъ подборомъ изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ классиковъ всего того, что доступно развитію и возрасту юныхъ читателей.

Придавая въ дѣлѣ воспитанія и обученія важное значеніе принципу наглядности, редація дастъ въ журналѣ широкое примѣненіе этого принципа, въ виду чего текстъ статей будетъ обильно иллюстрированъ рисунками и снимками съ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Разказы, повѣсти, сказки, легенды, пьесы и стихотворенія.	5. Дома и въ чужихъ краяхъ. Выдающіяся событія.
2. Біографіи, воспоминанія, историческіе очерки и картинки.	6. Знакомство съ природою и ея жизнью.
3. Путешествія по Россіи и другимъ государствамъ, странамъ и мѣстностямъ земного шара. Этнографическіе очерки и картинки.	7. Занятія, игры, шарады, загадки, музыка, пѣніе и рисованіе.
	8. Смѣсь. Шутки, комическія картинки и т. п.

Подписчики въ 1906 году получаютъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, со многими иллюстраціями и полосными рисунками. Крупный и четкій шрифтъ.

12 ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ главнымъ образомъ игры, забавы, занятія, имѣющія своей цѣлью дать дѣтямъ возможность заполнить свой досугъ съ интересомъ и пользою, въ виду чего редація при выборѣ премій будетъ останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя безусловно содѣйствуютъ развитію въ дѣтяхъ вниманія изящества и любви къ труду.

Первый номеръ „ПЧЕЛКИ“ желающимъ высылается за 2 семикоп. марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ

съ доставкой и пересылкой

3 Р.

Допускается разсрочка:

при подпискѣ—1 р., къ
1 апрѣля—1 р. и къ
1 июля—1 р.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Издатель И. Д. СЫТИНЪ.

Редакторъ Н. В. ТУЛУПОВЪ.

